

ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

П.Ю. Уваров

Институт всеобщей истории РАН

ЧУМА 1580-х ГОДОВ ВО ФРАНЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ СТОЛИЦЫ И ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ

Сведения о чуме начала 1580-х гг. в Париже и в Провене (город с населением не более 10 тыс. человек) могут дополнить друг друга. О болезни в Париже свидетельствуют записи Пьера де Летуаля и ряд других документов. Положение в Провене иллюстрируют «Мемуары» Клода Атона, хотя и не подкрепленные другими свидетельствами, но весьма содержательные. Сопоставление этих сведений позволяет выделить общий алгоритм действий властей и поведения горожан: констатировать начало эпидемии и описать болезнь; ввести карантинные меры, изолировать больных, обеспечив им медицинский уход и найдя для этого средства; сделать выбор между бегством от чумы и выполнением своего долга в городе; констатировать окончание эпидемии и подсчитать потери. Общей чертой является недооценка угрозы «второй волны» эпидемии, которая оказывается более жестокой. При том, что в Париже от чумы погибло от 10% до 20% населения, столичные источники, похоже, были склонны поскорее забыть об эпидемии. В Провене суммарные потери были относительно невелики (около 3%), но их психологическое воздействие кажется более сильным. Выявляются механизмы формирования «чумных команд». Наличие медицинской помощи, при всем ее кажущемся несовершенстве, приносило результаты. В малых городах и селах, пораженных чумой и лишенных помощи хирургов-цирюльников, чума уносила свыше половины жителей. Эсхатологические настроения и религиозная экзальтация слабо отражены в источниках, об этом имеются лишь косвенные упоминания. При этом эпидемия воспринималась сквозь призму религиозно-этических взглядов: болезнь шадит добродетельных людей, честно исполняющих свой долг.

Ключевые слова: Франция, чума, XVI век, Париж, Провен, Пьер де Летуаль, Клод Атон, Амбруаз Паре, чумные бараки, корпорация хирургов-цирюльников, муниципальное управление.

Цитирование: Уваров П.Ю. Чума 1580-х годов во Франции: взгляд из столицы и взгляд из провинции DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-9-42 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 9-42.

Поступила в редакцию: 11.06.2021

Принята к печати: 24.08.2021

Pavel Yu. Uvarov
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

**THE PLAGUE OF 1580s IN FRANCE:
A VIEW FROM THE CAPITAL AND A VIEW
FROM THE PROVINCES**

The evidence of the plague of the early 1580s in Paris and Provins (a town with a population of no more than 10000) may be regarded as complementary. The growth and fall of the disease in Paris is evidenced by the records of Pierre de L'Estoile and a number of other documents. The situation in Provins is illustrated by very informative "Mémoires" of Claude Haton, although not supported by other evidence. The comparison of these sources allows us to highlight a general algorithm for the actions of authorities and the behaviour of citizens: to determine the beginning of the epidemic and to describe the disease; to introduce quarantine measures, isolate patients, provide them with medical care and find sufficient funding; choose between fleeing the plague and performing one's duty in the city; to establish the end of the epidemic and to calculate the losses. A common feature is the underestimation of the threat of a 'second wave' of the epidemic, which turns out to be more severe. Despite the fact that in Paris from 10 to 20% of the population had died from the plague, the metropolitan sources, it seems, were inclined to quickly forget the epidemic. In Provins, the total losses were relatively small (approx. 3%), but their psychological impact seems to be stronger. The mechanisms of the formation of 'plague teams' are described. The availability of medical care, even if apparently imperfect, had brought results. In small towns and villages, affected by the plague and deprived of the help of surgeons-barbers, the plague carried away more than half of the inhabitants. Eschatological sentiments and religious exaltation are poorly reflected in the sources, as there are only indirect references. At the same time, the

epidemic was perceived through the prism of religious and ethical views: the disease spares virtuous people who honestly perform their duty.

Keywords: Ambroise Paré, Claude Haton, corporation of barber surgeons, epidemic, France, municipal government, Paris, Pierre de L'Estoile, plague, plague barracks, Provins, sixteenth century.

Citation: Uvarov, P.Yu. (2021). Chuma 1580-kh godov vo Frantsii: vzgliav iz stolitsy i vzgliad iz provintsii [The plague of 1580s in France: a view from the capital and a view from the provinces]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-9-42. *Annual of French Studies 2021*, vol. 54, p. 9-42.

В XVI в. Париж не знал таких чудовищных пандемий, какие опустошали Запад на протяжении полутора веков после Черной смерти 1347 г., хотя моровые поветрия время от времени вспыхивали как во французской столице, так и в других местах. Эти болезни именовались «чумой» (*la peste*), но, как правило, это было собирательное название многих инфекционных заболеваний. Общество по-прежнему панически их боялось, не зная ни причины заболеваний, ни действенных способов лечения. При этом люди, имея, в целом представление о том, с каким опасным врагом они столкнулись, выработали определенный алгоритм действий, позволявший несколько снизить угрозу.

В 1522 г. адвокат Николя Версорис, автор знаменитого «Дневника» (*Livre de raison*), писал о чуме, от которой умирали многие, прежде всего неимущие парижане. В одном лишь госпитале Отель-Дьё всего за три дня умерло 240 человек. Сам он с семьей выехал в свой загородный дом, но болезнь настигла его жену и там¹. В 1531 г. из-за роста заболеваний власти предписали закрыть публичные бани, перед домами заболевших ставили деревянные кресты, а хирургам, лечивших зачумленных, запрещалось подходить к другим больным под страхом виселицы. В 1544 г. по причине заразной болезни Парламент запретил публичные увеселения. Четыре года спустя чума вспыхнула среди заключенных тюрьмы Консьержери, расположенной при Дворце правосудия, и Парламент вынужден был перенести свои заседания на Левый берег в монастырь августинцев. Вспышки болезни повторялись почти каждое десятилетие.

О ситуации вне Парижа мы осведомлены хуже, хотя известно, что опустошительная чума 1565 г. в Лионе перекинулась в города на Луаре и вынудила Карла IX и Екатерину Медичи прервать поездку по стране и вернуться в 1566 г. в столицу, поскольку заболело сразу не-

¹ *Versoris N. Livre de raison / Éd. par G. Fagniez. P., 1885. P. 117–118. (Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de France; T. 12).*

сколько человек из королевской свиты. Тогда же королевский хирург Амбруаз Паре опубликовал свой трактат «О чуме, ветряной оспе и краснухе...» с описанием симптомов болезни, рассуждением о ее причинах и способах лечения².

Жестокая эпидемия чумы обрушилась на Францию в 1580 г. Ее я и решил сделать предметом рассмотрения, прежде всего потому, что о ней нам известно не только из немногочисленных постановлений Парламента и муниципалитета, но и из записок современников. Один из таких информантов – парижанин Пьер де Летуаль, чьи «Поденные мемуары» охватывают правление Генриха III и Генриха IV³. Летуаль получил хорошее образование, о чем свидетельствует степень лиценциата права Буржского университета, известного открытостью гуманистическим веяниям. Занимая должность распорядителя (*audencier*) королевской канцелярии, и, следовательно, обладая ценными сведениями о жизни Парижа и всего королевства, он был человеком наблюдательным и остроумным. По своим взглядам он относился к числу умеренных католиков, а во время господства Католической Лиги в Париже в 1589 г. даже на некоторое время был арестован как сторонник короля, симпатизировавший гугенотам. Летуаль вел свои записки с некоторым временным «лагом», порой уже зная, чем закончится то или иное событие. Но временной промежуток между произошедшим событием и его фиксацией в «Поденных мемуарах» не был велик, к тому же впоследствии автор никак не редактировал свои записки, не рассчитывая, по-видимому, на их публикацию. Часто в своих записках Пьер де Летуаль не только давал описание событий, но и рассказывал о слухах и сплетнях, ходивших в городе, и даже собрал коллекцию памфлетов и афиш времен Парижской Лиги⁴. Не удивительно, что его творчество всегда интересовало историков, а его заметки неоднократно переиздавались⁵.

² *Paré A. Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle: avec une brefve description de la lepre. P., 1568.*

³ *L'Estoile P., de. Mémoires-journaux (1574–1611) / Édition pour la première fois complète et entièrement conforme aux manuscrits originaux par G. Brunet, A. Champollion, E. Halphen. P., 1875–1896. 12 vol.*

⁴ *L'Estoile P., de. Les Belles figures et drolleries de la Ligue / Édition établie par G. Schrenck. Genève, 2016.* Пьер де Летуаль сильно рисковал, храня и пополняя свою коллекцию памфлетов и афиш. Особым указом Генрих IV предписал забыть и уничтожить все пасквили и прочие документы, связанные с Католической Лигой. Ослушников ждали серьезные неприятности, вплоть до смертной казни.

⁵ С 1621 по 2016 г. вышло девять полных и еще не менее десятка фрагментарных изданий «Поденных мемуаров» Пьера де Летуаля. Выбор мной первого полного издания объ-

«Мемуары» Клода Атона, священника из города Провена, расположенного в 95 км от Парижа, на границе Шампани и Бри, охватывают период с 1553 по 1583 г.⁶ Сын крестьянина, Атон не получил университетского образования и подчеркивал свою бесхитрость, порой, как на проповеди, доходчиво обращаясь к «простому человеку». Однако он, в отличие от Летуаля, готовил свои «Мемуары» к изданию, возвращаясь спустя время к своим записям и редактируя их⁷. Для Атона характерен ригоризм: будучи ярким католиком, он обвинял во всех бедах своего века еретиков-гугенотов и тех, кто им потворствует из корысти или по дружбе, – представителей королевского правосудия и фискальных чиновников, всех тех, кто скупает должности и угнетает простой народ. К королевской власти он относился с растущим недоверием как из-за ее нежелания решительно расправиться с гугенотами, так и из-за умножения новых налогов и поборов. Атон был неплохо осведомлен о том, что творится в столице и при дворе короля, но центром его интересов оставался Провен и округа. Историкам Атон известен меньше, чем Летуаль, однако его внимание к деталям и подробностям делают его текст ценным источником по истории повседневности и «народной религии»⁸.

О чуме 1580 г. Пьер де Летуаль упоминает лишь несколько раз вперемешку с другими событиями, тогда как Клод Атон создает два относительно развернутых и композиционно законченных повествования, датированных 1580 и 1582 гг. Хотя в центре внимания Атона находится Провен, он рассказывает и о чуме в Париже, о которой знал лишь понаслышке. Но и этот рассказ весьма интересен.

ясняется тем, что только оно пока доступно на «Галлике» — сайте электронной собрания Национальной библиотеки Франции и ее партнеров [Электронный ресурс] URL: <http://www.gallica.bnf.fr>.

⁶ *Haton Cl. Mémoires 1553–1582/ édition intégrale sous la dir. de L. Bourquin. P., 2001–2007. 4 t.*

⁷ Клод Атон еще был жив в 1605 г. Возможно, он собирался посвятить свои мемуары Лотарингскому дому Гизов, но их поражение в Религиозных войнах сделало это невозможным. См.: *Уваров П.Ю.* Клод Атон — бытописатель французской смуты: Загадка «простого человека» // Французское общество в эпоху культурного перелома: От Франциска I до Людовика XIV / отв. ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. М., 2008. С. 91–103. (Приложение к журналу «Средние века»; Вып. 3).

⁸ Эмманюэль Ле Руа Ладюри использовал сведения Клода Атона о погодных явлениях в своем исследовании по истории климата: *Le Roy Ladurie E. Histoire humaine et comparée du climat. P., 2004. Vol. 1: Canicules et glaciers (XIIIe–XVIIIe siècles)*. Многие работы Дени Крузе о «переживаемой религии» (*religion vécu*) основаны на свидетельствах провенского священника; см. на русском языке: *Крузе Д.* След другой истории. Бог и избивающие младенцы / [пер. Л.А. Пименовой] // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 163–190. В издании ошибочно указан другой переводчик.

У нас есть и другие упоминания, более фрагментарные, но, если взять их в комплексе, они помогут нам составить представление и о самой болезни и, главное, о реакции на нее современников и властей. Совмещение рассказов об эпидемии в столице и в провинциальном городе позволит дать стереоскопическую картину событий.

І. ПАРИЖ, 1580–1581 гг.

1. Понять, что эпидемия началась, и описать болезнь

Если верить Клоду Атону, чума в Париже началась уже в февралю 1580 г. Впрочем, наш провинциал не был очевидцем столичных событий. У Летуаля первые упоминания о болезни относятся к концу марта. Он пишет, что ввиду распространения чумы в Париже постановлением Парламента запрещалось продавать какое-либо движимое имущество в публичных местах и частных домах. Он также сообщает, что сыпь, похожая на корь или оспу, быстро распространялась у взрослого населения, что часто вело к внезапной смерти⁹.

О том, что в апреле в Париже уже осознали опасность морового поветрия, свидетельствуют и хроники Парижского университета. 19 апреля университет принял участие в большой религиозной процессии с молением о прекращении болезни¹⁰.

6 апреля на севере Франции произошло сильное землетрясение. Отмечая, что сильные толчки ощущались в Париже, Шато-Тьерри, Кале, Булони и других французских городах и что в столице последствия землетрясения были легче, чем в прочих местах, Летуаль никак не связывает это событие с началом эпидемии. Для гуманистически образованного и критически мыслящего автора это вполне нормально. Странно, что он, очень внимательный к разного рода слухам, бродившим в городе, не упоминает о тех, кто увидел в этом событии знамение грядущих бед.

Клод Атон, напротив, предвзвывает рассказ о чуме именно сообщением о землетрясении. Он указывает на возможные естественные причины подземных толчков с отсылками к Аристотелю, но приходит к выводу, что это – одна из казней Господних: «Ибо мы

⁹ *L'Estoile P., de. Mémoires-journaux. T.1: Journal de Henri III: 1574–1580. P. 365.*

¹⁰ О том, кто должен возглавлять шествие университетской процессии, разгорелся спор, вылившийся в судебную тяжбу, и лишь поэтому до нас дошли сведения об участии университета в общем молебне. См.: *Crevier J.L.B. Histoire de l'Université de Paris. P., 1761. T. 6. P.358; Du Boulay C.E. Historia Universitatis Parisiensis. P., 1673. T. 6: 1500–1600. P. 773, 775, 778.*

живем во время знамений, которые должны предшествовать Суду, как нам сказал Иисус Христос: знаками, предшествующими Концу света, станут гражданские войны из-за веры, приход лже-пророков, Антихриста, мор, голод и землетрясения во многих местах. Все эти вещи мы видим происходящими в христианском мире»¹¹.

Лишь в июне, фиксируя резкий рост заболеваемости – по словам нашего хрониста, в Париже со 2 по 8 число этого месяца было поражено болезнью 10 тыс. чел., Пьер де Летуаль переходит к описанию симптомов болезни. Это описание обескураживает:

«Болезнь имела вид кашля или катара, которую также называли “коклюш” (*coqueluche*), она не обошла самого короля и придворных: герцога Меркёра, герцога де Гиза и сеньора д’О. Болезнь сопровождалась головной болью, режью в желудке, ломотой во всем теле. Она поразила всю Францию и за год не обошла стороной ни города, ни деревни, ни хутора. Врачи рекомендовали воздерживаться от вина, одним прописывали кровопускание, другим – ревень, третьих просто привязывали к кровати, давая лишь еду и питье без каких-либо медицинских средств. В Париже рассказывали, что от той болезни в Риме умерло более 10 тысяч человек. Но она была лишь предвестницей чумы»¹².

Остается неясным, какая именно болезнь достигла, как сейчас бы сказали, пиковых значений распространения к началу июня – сама чума или ее *предвестница*, названная «коклюшем»? Предположим, что речь идет все-таки о двух разных болезнях, поразивших Париж с небольшой разницей во времени. Но о каком заболевании шла речь? Кстати, заболевание, которые мы сегодня называем «коклюшем», было описано в 1578 г. парижским медиком Гийомом де Байю и названо «пятидневым кашлем» (*tussis quintina*)¹³. «Коклюшем» тогда именовались многие болезни. Согласно одной из версий, название болезни происходит от того, что «лающий» кашель напоминал крик петуха (*le cocq*), согласно другой, – от слова «капюшон» (*capeluche*), поскольку сопровождалась головными болями. Клод Атон тоже пишет о коклюше:

¹¹ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 305.

¹² *L'Estoile P., de. Mémoires-journaux*. Т. 1. Р. 361–362.

¹³ К сожалению, я не имел возможности ознакомиться с новейшей публикацией этого «первого эпидемиолога», оказавшегося весьма популярным сегодня *Baillou G., de. Les deux livres des épidémies et éphémérides / Introduction et notes de J. Coste; texte établi et traduit par N. Maggiori, J. Coste. P., 2021.*

«В Париже в месяце феврале началась болезнь, которую назвали коклюшем. Она сильно мучила людей, заразившихся ею, из коих многие умирали от поноса. Но, внезапно, с конца месяца февраля заметили, что болезнь заразна и является скрытой чумой. Каковая болезнь до середины следующего марта опознана была как явная чума, со всеми своими признаками»¹⁴.

Далее он сообщает, что со дня св. Иоанна Крестителя (24 июня) и до конца месяца, то есть примерно за неделю, чума охватила все районы города и его предместья. Относя «пик заболеваемости» не к первой, как Летуаль, а к последней неделе июня, Атон, похоже, был склонен считать коклюш «скрытой» стадией чумы.

Описывая через два года ситуацию в Провене и его округе, Атон, приступая к рассказу о чуме, «от которой многие умерли, начиная с апреля 1582 г.», вновь предваряет свое повествование описанием «другой болезни», правда, уже не именуя ее «коклюшем».

«От нее люди повреждались в уме, трогались рассудком, становились помешанными, подобно идиотам, лишенным разума и чувств: и днем, и ночью они не могли оставаться на одном месте и не понимали, что делают и что говорят. От этой болезни умирали немногие, но по молитвам своих родственников, друзей и католической Церкви... и по заступничеству своих святых, быстро обретали прежнее здоровье тела и духа»¹⁵.

В изложении Атона первый случай чумы в 1582 г. не был вовремя распознан именно потому, что больной за два дня до смерти стал заговариваться, и все подумали, что у него та болезнь, от которой люди трогались рассудком, но затем выздоравливали.

Обратим внимание – описывая симптомы предвестницы чумы в 1580 г. и даже называя ее «коклюшем», Атон не упоминает о таком характерном ее симптоме, как кашель, но говорит о поносе, а через два года – о временном помешательстве. Но и Летуаль, начиная с указания на «катар», также говорит о болезни желудка и о головной боли – именно от этих недугов и применялся ревенъ, о котором он упоминает. На помешательство указывает и рекомендация врачей привязывать больных к кровати, обеспечивая им лишь питание. О симптомах самой чумы Летуаль не распространяется, ограничившись лишь указанием на появление красной сыпи. Атон и здесь более подробен: в рассказе о событиях в Провене он опи-

¹⁴ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 305.

¹⁵ *Ibid.* Р. 479–480.

сывает появление бубонов и даже упоминает о том, как с ними общались и как их вскрывали, чтобы облегчить участь больного.

По-прежнему не ясно, как связана первая болезнь с чумой? Это была первая, «скрытая» фаза чумы, отдельное заболевание, случайно совпавшее с началом эпидемии, или же речь шла о трех разных болезнях: чума (1580–1582 гг.), «коклюш» (весна 1580 г.) и болезнь, вызывавшая помешательство (весна 1582 г.)?

За разъяснениями уместно обратиться к свидетельствам медика того времени. Королевский хирург Амбруаз Паре летом 1580 г. спешно переиздает свою книжечку «О чуме» с посвящением Парижскому муниципалитету (оно датировано 27 июня 1580 г.)¹⁶. Он так пишет об этой болезни:

«Чума часто сопровождается весьма страшными и опасными явлениями, которые постоянно являются с ней: лихорадка, бубоны, карбункулы, пурпур, понос, бред, слабоумие, грызущая боль в желудке, трепетание сердца, тяжесть и слабость всех членов, глубокий сон и притупление всех чувств»¹⁷.

Поскольку эта болезнь «не всегда бывает одинакового вида, ... ей давали разные имена, например: чума, лихорадка, дизентерия, коклюш, потница, немощ, шишка, карбункул, пурпур и другие»¹⁸. Для великого хирурга речь шла об одном и том же заболевании. Но согласны ли были с ним авторы «Мемуаров»? Возможно, они и сами не вполне определились в свои мнениях.

2. Изолировать больных и наладить уход

Пьер де Летуаль вновь возвращается к рассказу о чуме, вернее, о мерах борьбы с ней в июле месяце. Но до этого муниципалитет Парижа при содействии Парижского парламента уже оценил масштаб угрозы и начал действовать. Логично искать сведения об этом в регистрах постановлений городского бюро Парижа¹⁹. Но о

¹⁶ *Paré A.* Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle: avec une brefve description de la lepre... aux Messieurs les Prevost des Marchans & Eschevins de ceste ville de Paris. P., 1580. Русский перевод см.: *Паре А.* Трактат о чуме / Пер. и комм. Е.Е. Бергер // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XV вв.: Сборник документов / Отв. ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. М., 2020. С. 133–162 (Приложение к журналу «Средние века»; Вып. 11).

¹⁷ *Паре А.* Трактат о чуме. С. 138.

¹⁸ Там же. С. 139.

¹⁹ *Registres des délibérations du bureau de la ville de Paris.* P., 1896. Т. 8: 1576–1586. Парижскому муниципальному архиву не повезло. Пожар в городской ратуше во время Парижской Коммуны 1871 г. уничтожил основные фонды. Сохранились лишь разрозненные документы и официальные регистры постановлений. Но они безжалостно «подчищались» и переписывались последующими поколениями, оставлявшими лишь самые выгодные для города сведения.

чуме, парализовавшей жизнь города, говорит лишь одна запись от 19 мая 1580 г. В ней упоминается о заседании, на котором помимо обычных членов городского бюро²⁰ присутствовали представители парижских суверенных судов (Парламента, Счетной палаты, Налоговой курии), депутаты от важнейших купеческих корпораций, от капитулов, монастырей, госпиталя Отель-Дьё, а также медики и другие приглашенные лица. В ходе обсуждения было решено найти место для размещения заразных больных, где им бы оказывалась помощь. Требовалось новое здание. Для его строительства, а также для оплаты медиков, хирургов и прочего персонала, ухаживавшего за больными, нужны были немалые средства. Собрать их планировали двумя способами: во-первых, распределить платежи между горожанами, подобно тому, как обычно собирали деньги для оплаты работ по вывозу нечистот, а во-вторых, за счет поступлений в виде милостыни. Пока же здание не было построено, заболевших надлежало доставлять в Отель-Дьё, где им – как это делалось и раньше – следовало выделить большое помещение, отдельное от прочих больных²¹.

Отель-Дьё был, возможно, самым большим госпиталем на Западе того времени, он насчитывал 550 коек, но был способен вместить до тысячи пациентов²². Расположенный вблизи собора Нотр-Дам, он представлял собой своеобразный город в городе. Казалось, что в нем можно будет найти достаточно просторное изолированное помещение для заразных больных и для обслуживающего их персонала. Но тогда, 19 мая, еще не знали, что совсем скоро произойдет стремительный рост числа заболевших и запланированные меры окажутся явно недостаточны.

Следующую свою запись, относящуюся к чуме, Пьер де Летуаль делает в июле, но повествует и о предшествующих событиях. Он упоминает о консультациях, которые проводились в помещении королевской Канцелярии (во Дворце правосудия). Там заседала комиссия из представителей муниципалитета и советников Парижского Парламента, созданная для организации борьбы с чумой. Летуаль, как распорядитель Канцелярии, был хорошо о ней

²⁰ Городское бюро включало в себя избранного купеческого прево и четырех эшевеннов, секретаря, сборщика городских податей, королевского представителя – прокурора, а также 24 городских советников и 16 квартальных (*quarteniers*) – представителей городских кварталов.

²¹ *Registres des délibérations*. Т. 8. P. 228–229.

²² *Babelon J.P. Paris au XVIe siècle*. P., 1986. P. 174 (Nouvelle histoire de Paris).

осведомлен. Комиссия, по-видимому, заседала как минимум с июня. Так, в регистрах Парижского Парламента сохранились постановления от 14 и 15 июня 1580 г. о мерах, принятых совместно с городским бюро, в связи с незапланированным увеличением расходов для оплаты услуг медиков, хирургов и аптекарей. Также искались средства, чтобы возместить расходы по покупке земли под возведение нового чумного барака²³.

Летуаль пишет, что комиссии долго не удавалось наладить помощь больным, пока, наконец, не была создана экстраординарная должность – «санитарного прево» (*prévôt de la santé*). Он должен был «выявлять заболевших чумой во всех кварталах города и при помощи своих подручных доставлять их в Отель-Дьё в том случае, если они не хотят или не имеют средств оставаться в своих домах. На эту должность был назначен [Симон] Мальмеди, королевский лектор математики, философ и ученый доктор». Летуаль с легкой иронией отмечает, что, инспектируя зараженных и заботясь о них, Мальмеди хорошо послужил и своему долгу, и своей выгоде²⁴.

Там же он сообщает о поспешном возведении палаток и хижин у Монфокона²⁵, а также в предместьях Монмартр на Правом берегу и Сен-Марсель на Левом, куда отправлялись многие из заболевших – их там сносно кормили и обеспечивали за ними уход. Летнее время позволило быстро развернуть «полевые госпитали» за чертой города. Хотя Летуаль прямо и не пишет об этом, Отель-Дьё уже в середине июня оказался не в силах принимать новых заболевших, а строительство загородного чумного барака, или *санитата*, откладывалось.

Тогда же, в июле, Летуаль сообщает, что строительство началось на землях, приобретенных госпиталем Отель-Дьё у аббатства Сен-Жермен. Место называлось Гренель, по имени соседней деревушки, расположенной на пути из Парижа в Вожирар. Здесь же автор «Поденных мемуаров» повторяет формулировку постановления муниципалитета от 19 мая о двух путях формирования «чумного бюджета» – добровольного и принудительного.

²³ Цит. по: *Registre des délibérations*. Т. 8. Р. 228, note 1. Прибежище для заразных больных часто называлось *le sanitat*.

²⁴ *L'Estoile P., de Mémoires-journaux*. Т. 1. Р. 365.

²⁵ Холм Монфокон, печально знаменитый своей виселицей, точнее – комплексом виселиц, располагался примерно в полутора километрах к северо-востоку от парижских ворот Тампль.

Клод Атон, не вдаваясь в подробности, которые ему, как провинциалу, были неизвестны, рисует общую картину, вполне согласующуюся с заметками Летуаля. По его словам парижане поначалу надеялись, что чума скоро прекратится, и поэтому «они не забирали больных из их домов, если те имели достаточно средств и возможностей, чтобы за ними ухаживали и чтобы к ним домой ходили медики и хирурги, назначенные городом для лечения таких больных. Те же, у кого средств не было... направлялись в Отель-Дьё..., чтобы их врачевали и лечили хирурги этого госпиталя». Но поскольку больных становилось все больше, городские власти «были вынуждены разбить палатки и шатры на манер военного лагеря за городом – в [предместье] Сен-Жермен, в сторону Картузианцев²⁶, чтобы свозить туда больных, поскольку общий дом для этих нужд у города отсутствовал»²⁷. О палаточных лагерях на холмах Правого и Левого берегов Атон, по-видимому, не знал, он указал лишь направление в сторону местечка Гренель, не называя его.

В какой же момент стало ясно, что Отель-Дьё не может принимать новых больных?

У нас есть любопытное свидетельство еще одного современника событий. Жан де Ля Фос, кюре парижского прихода Сен-Бартелеми, тоже оставил своеобразные «Мемуары», правда далеко не столь информативные, как тексты Пьера де Летуаля и Клода Атона²⁸. Ля Фос сообщает новые подробности. Видя, что чума в Париже усиливается, городские власти обратились к епископу Парижскому. Они попросили его предписать парижским кюре выделить группу священников для окормления зачумленных, а старостам церковных приходов – обеспечить размещение и содержание этих клириков. Двенадцать кюре²⁹ посоветовались со своими приходскими старостами, но те согласились оплатить лишь размещение «чумных клириков». Расходы на их содержание они предложили возложить на городские власти. Кюре церкви Сен-Пьер-дез-Арси господин Понсэ и кюре церкви Сен-Бартелеми господин Жан де Ля Фос (автор «Мемуаров») представили это решение властям.

²⁶ В Париже обитель монахов-картузианцев располагалась к югу от ворот Сен-Мишель, в южной части современного Люксембургского сада.

²⁷ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 306.

²⁸ *La Fosse J., de. Journal d'un curé ligueur de Paris sous les trois derniers Valois* / éd. par E. de Barthélemy. P., 1865. Это издание есть на «Галлике». К сожалению, недоступным для меня осталось новое издание: *La Fosse J., de. Les «mémoires» d'un curé de Paris (1557–1590) au temps des guerres de religion* / Éd. par M. Venard. Genève, 2004.

²⁹ Непонятно, почему именно 12 кюре. В Париже в то время насчитывалось 20 приходов.

В итоге постановили, что выделенная группа священников будет размещена в жилище цирюльника госпиталя Отель-Дьё и это будет оплачено из средств, собранных старостами и кюре. Для хранения Святых Даров решили отвести одну из капелл госпиталя.

Обратим внимание, что, согласно автору «Мемуаров», это решение было принято в среду, 13 июля. В следующей строке Ля Фос сообщает, что в том же месяце в Гренель начали возводить здание для размещения зачумленных. Но в соглашении не шло речи об окормлении священниками тех, кто болеет в «полевых госпиталях». Значит ли это, что временные палаточные лагеря для зачумленных тогда еще не были запланированы? Или постановление от 13 июля, рожденное в результате сложных переговоров, просто не поспевало за стремительными изменениями? Допустимо и иное предположение: «чумных батюшек» стремились прежде всего изолировать от общения с обычной паствой, подобно тому, как чумным докторам категорически запрещалось лечить других пациентов. Возможно, что после ночевки в здании Отель-Дьё кто-то из них оставался с местными больными, а кто-то затем направлялся в палаточные госпитали.

Если официальные регистры городского бюро после 19 мая не упоминали об эпидемии³⁰, то сохранившиеся черновики («минуты») текущих постановлений муниципалитета при всей их фрагментарности оказались более информативными. Так, 26 августа квартальным предписывалось сдать списки заболевших жителей своих кварталов, а 29 августа был издан приказ капитанам ополчения, лучникам, арбалетчикам и аркебузирам, охраняющим ворота, не пропускать в город никого из чумных больных, а сразу отправлять их в загородные палаточные госпитали. Мертвых, которых везли на какое-либо парижское кладбище, велено было направлять на кладбища предместий³¹. Скорее всего, это было лишь напоминание о прежних распоряжениях, ибо трудно предположить, что до конца августа городские власти не попытались пресечь появления «чужих» зачумленных в столице и не выявить всех заболевших.

Неизвестно, когда было открыто здание в Гренель. 29 августа муниципалитет приказал описывать имущество жителей, не уплативших взносы на его строительство и на содержание зачум-

³⁰ Молчание «Регистров» можно назвать красноречивым. Начиная с мая 1580 г. и до декабря число записей почти втрое меньше, чем за предыдущий год. Городское бюро собиралось реже обычного.

³¹ Цит. по: Registres des délibérations. Т. 8. Р. 228–229, note 1.

ленных³². Но подобные распоряжения муниципалитета и Парламента будут появляться и потом, до середины следующего года, когда это вместилище больных уже заведомо и давно будет функционировать. Речь шла о погашении задолженности для оплаты уже произведенных расходов. Известно, что здание чумного барака было деревянным и простояло всего десять лет. В 1590 г. его снесут во время осады лигёрского Парижа королевскими войсками.

Вряд ли «палаточные госпитали» оставались в пригородах Парижа долго, недаром Клод Атон вообще о них не упомянул. Однако в начале сентября они еще функционировали. Купеческий прево 6 сентября доносил губернатору Парижа о пожаре, случившемся накануне ночью, когда в одном из лагерей зачумленных, больной, в припадке безумия, поджег свою палатку. Огонь перекинулся на соседние палатки, и пока сторожам удалось потушить пожар, погибло два или три человека³³.

3. Покинуть город или выполнять свой долг?

Амбуаз Паре в своей книге, опубликованной в конце июня, советовал, дабы спастись от чумы, немедленно уходить из зараженного места «туда, где здоровый воздух, и вернуться позже, если это возможно»³⁴, иначе говоря, следовать правилу *cito, longe, tarde* – бежать как можно быстрее, как можно дальше и оставаться там как можно дольше.

Парижане начали покидать город, не дожидаясь рекомендаций хирурга. Тем не менее, «как можно быстрее» бежать из Парижа не получилось, поскольку распознать за «коклюшем» чуму удалось не сразу, момент был упущен. Исход из Парижа спас не всех, зато способствовал распространению болезни. В том же июле Пьер де Летуаль лаконично замечает:

«Страх перед чумой был столь велик, что большинство парижан из тех, у кого были хоть какие-то средства, покинули город, а чужестранцы не вернулись ранее, чем через полгода. Но тем самым чума из Парижа распространилась по многим селам, и малым окрестным городам, причем она там была более жестокой и смертоносной, чем в Париже»³⁵.

Клод Атон, как всегда, рисует более яркую картину, повествуя, как Париж покидали все иногородние, будь то студенты коллегий,

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 229.

³⁴ Паре А. Трактат о чуме. С. 153.

³⁵ L'Estoile P., de. Mémoires-journaux. Т. 1. P. 365.

клерки парижских судов, слуги богатых буржуа – все возвращались домой. «И летом на дорогах не видно было никого, кроме бредущих толп клерков, студентов и иных людей, возвращавшихся в свои края. В один из дней через Провен прошли двести путников, в другой день чуть меньше или чуть больше». Этот исход продолжался, по словам Атона, почти три месяца и затронул не только иногородних:

«Париж покидали президенты и советники судебных палат, адвокаты, прокуроры, нотариусы, сержанты, дворяне, буржуа, торговцы и ремесленники, составлявшие большую часть горожан. Одни стремились укрыться на своих фермах и сельских домах, далеко ли, близко ли они находились, другие же направлялись к родственникам, друзьям и свойственникам, которые соглашались их принять у себя в домах. В Париже остались лишь люди, у которых не было средств удалиться куда-либо. Бегство указанных жителей Парижа было причиной распространения чумы во множестве городов и деревень на 20 лье вокруг Парижа. Многие умирали на дорогах без какой-либо помощи, и с трудом удавалось найти того, кто бы их похоронил, даже если они были хорошо одеты и имели при себе деньги»³⁶.

Париж опустел. В нем остался лишь бедный люд, которому куда было идти. Положение было тем тяжелее, что деловая активность в городе замерла, а запасов у бедняков не было. По словам Летуалья, поденщики, не имея работы, «страдали от голода и убивали время тем, что играли в кегли на мосту Нотр-Дам и на других улицах Парижа и даже в Большом зале дворца Правосудия»³⁷. В последнее, правда, верится с трудом, возможно, автор хотел подчеркнуть упадок королевского правосудия в городе, оставленном должностными лицами.

К концу июля стала очевидна опасность массового дезертирства как чиновников и судейских, так и буржуа. В регистрах Парламента упоминается письмо короля от 28 июля: Генрих III запрещал должностным лицам этой курии покидать город, а тем, кто уже уехал, приказывал срочно вернуться. Король еще не раз в течение 1580 г. будет настоятельно рекомендовать советникам суверенных курий поскорей приехать в Париж.

Беспокоился и муниципалитет. 22 августа всем квартальным, пятидесятникам и десятникам, покинувшим город, было приказа-

³⁶ *Haton Cl. Mémoires.* Т. 4. P. 306.

³⁷ *L'Estoile P., de. Mémoires-journaux.* Т. 1. P. 365.

но в недельный срок приступить к исполнению обязанностей под угрозой потери должности³⁸. Беспокойство было понятным, ведь именно на должностных лицах низшего и среднего звена лежали повседневные заботы по учету заболевших и недопущению новых больных в город.

О стремлении властей пресечь дезертирство пишет и Клод Атон:

«Король... хотел эдиктом под страхом наказания принудить президентов и советников [Парламента] и парижских буржуа вернуться в свои дома, в противном случае он угрожал разместить в их жилищах на постой военных, чтобы те проели все их имущество. Но этим угрозам не вняли ни парижане означенных статусов, ни все остальные»³⁹.

Приходилось действовать личным примером. Первый президент Парижского Парламента Кристоф де Ту, которому шел уже восьмой десяток лет, в своем паланкине курсировал по улицам Парижа, дабы успокоить горожан и показать, что правосудие их не покинуло⁴⁰. Да и король надолго не уезжал из своих пригородных замков и навещался в опустевший город. По словам Клода Атона:

«Его величество собственной персоной совершил два или три выезда в Париж в течение лета этого года. Он был во Дворце [Правосудия] в большой золотой комнате, держал там заседание, чтобы официально утвердить выпущенные им эдикты о клерках-грефье, которых он возвел в должность, о том, чтобы взимать деньги с президиальных и прочих судов и бальяжей Франции, и еще о некоторых иных делах⁴¹. И говорят, что король совсем не боялся этой заразной болезни, которой он якобы не был подвержен по причине неких язв и ран, имевшихся у него на теле. Через них вытекали и выводились гуморы, обычные для определенных болезней, коими он заболел. Все же, наконец, он удалился в Фонтенбло, видя, что в Париже и окрестностях болезнь не стихает, не возвращался туда сам и не заставлял вернуться местных жителей»⁴².

³⁸ Цит. по: *Registres des délibérations*. Т. 8. Р. 229, note 1.

³⁹ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 307.

⁴⁰ *Babelon J.P. Paris au XVIe siècle*. Р. 176.

⁴¹ 26 июля 1580 г. Парижский Парламент в присутствии Генриха III действительно зарегистрировал три эдикта, посвященные продаже должностей секретарей (грефье) королевских судов и их клерков (писарей), а также расширению персонала президиальных судов (королевских трибуналов среднего уровня).

⁴² *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 307.

Чтобы не создалось картины полного запустения Парижа, уместно привести еще одно свидетельство Атона. Оно не включено в его рассказ о чуме, но приведено там, где он повествует о «спортивных» страстях, кипевших в Провене в связи с состязанием стрелковых команд. Суетному тщеславию жителей своего города, Клод Атон противопоставляет смирение парижан:

«...Набожный люд Парижа пребывал в постоянных молитвах и покаянии, исповедуясь в своих грехах, моля Бога смягчить свой гнев и прекратить чумную заразную болезнь. И почти все католики от мала до велика, исповедавшись в день [Успения] Божьей Матери, причащались у алтаря... А на следующий день, в праздник Святого Роха⁴³, присутствовали на всеобщей процессии, где весь город собрался вместе в удивительном порыве благочестия. Большинство – самые богатые наравне с духовенством, судейскими и народом – были босиком и с непокрытыми головами. Каждый держал свечу в руке в знак публичного покаяния⁴⁴ перед Богом, чтобы примириться с Ним и снискать благодать и милосердие, если Ему будет угодно прекратить столь опасную болезнь, бушевавшую среди них»⁴⁵.

4. Определить конец эпидемии и подсчитать потери

Пьер де Летуаль после июльской записи к теме чумы в 1580 г. больше не возвращается. В июле, перед тем как описать опустевший Париж, он дает общую характеристику эпидемии: «Заражение было злом великим, но скорее пугающим, чем опасным, так как в Париже и окрестностях умерло в 1580 году не более 30 тысяч человек»⁴⁶. Клод Атон оценивает ущерб от болезни иначе: чума продолжала свирепствовать до начала декабря, да и после вполне завершилась. «Число умерших от этой болезни превышало 60 тысяч человек. Некоторые же, опираясь на донесения квартальных комиссаров города⁴⁷, отмечавших умерших от этой и другой болезни, доводили это число до 100 тысяч человек, что мне кажется несколько преувеличенным, хоть город и очень большой»⁴⁸.

⁴³ 16 августа. Святой Рох считался защитником от чумы.

⁴⁴ *Amende honorable* – термин из судебной практики.

⁴⁵ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 453.

⁴⁶ *L'Estoile P., de. Mémoires-journaux*. Т. 1. Р. 365.

⁴⁷ Скорее всего, Атон смешивает комиссаров Шатле – полицейских под властью парижского королевского прево и его заместителя по гражданским делам, с квартальными – муниципальными должностными лицами, связанными с городским ополчением – «буржуазной милицией». Именно квартальные, как мы помним, должны были предоставлять списки больных и умерших городскому бюро. Но, возможно, учет велся параллельно судебными и муниципальными властями.

⁴⁸ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 306.

В 80-х гг. XVI в., по мнению историка Жана Жакара, в Париже проживало около 350 тысяч человек, хотя есть и более высокие оценки⁴⁹. Если согласиться с Жакаром, то к этому числу надо добавить не менее 60 тыс. жителей парижских предместий. Но расхождение между парижанином и провинциалом в оценках человеческих потерь огромное – от 8 до 23% населения. Возможно, дело в контексте высказывания Летуаля. Раз он описывал степень запустения столицы, он, вероятно, желал показать, что страхи горожан были преувеличены и коллапса городской жизни можно было бы избежать. Заниженные цифры потерь, возможно, объяснялись и тем, что Летуаль, в отличие от Атона, считал только тех, кто умерли в самом городе и именно от чумы. Он не учитывал тех, кто скончались, покинув Париж, или умерли от других болезней, например, от того самого «коклюша», который по его же словам унес жизни 10 тыс. жителей Рима. Но самое главное, если Летуаль писал об умерших весной–летом 1580 г., то Атон, по-видимому, уже мог быть осведомлен о потерях конца 1580 и 1581 г.

Эпидемия не закончилась с наступлением осени. Распоряжением Парламента от 26 сентября поездки внутри Парижа были запрещены до дня Святого Ремигия (Сен-Реми, 13 января) из опасений, что перевозка скарба по улицам усилит угрозу заражения⁵⁰.

Со второй недели сентября Парламент и другие курии обычно распускались на каникулы до ноября (лишь «дежурная» Палата вакансий оставалась во Дворце Правосудия), но Клод Атон отмечает:

«...После дня Святого Мартина (Сен-Мартен; 11 ноября) заседания судов не проводились, но многие персоны – адвокаты, прокуроры, клерки и прочие – вернулись в Париж, надеясь, что с наступлением зимы болезнь остановится. Однако большая часть из тех, кто вернулись и оставались в своих домах, была поражена этой болезнью, и мало кому удалось от нее ускользнуть»⁵¹.

Возможно, здесь наш автор «Мемуаров» сгущает краски, поскольку Парижский Парламент все же начал работу. 15 ноября король предписал тем советникам Парламента, которые задержались в сельской местности, немедленно вернуться под страхом конфискации жалованья⁵².

⁴⁹ См.: *Babelon J.P. Paris au XVIe siècle*. P. 164–166.

⁵⁰ Цит. по: *Registres des délibérations*. Т. 8. P. 228–229, note 1.

⁵¹ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. P. 307.

⁵² Цит. по: *Registres des délibérations*. Т. 8. P. 229, note 1.

Согласно королевскому письму от 30 октября, муниципалитету разрешалось взять 100 тысяч вязанок можжевельника в близлежащих к Парижу лесах королевского домена, «чтобы помочь очистить дурной воздух, который могла оставить чумная болезнь в домах данного города»⁵³. О пользе можжевельника писал и Амбруаз Паре: в Афинах, пораженных чумой, Гиппократ приказал развести на улицах города огни «и бросить в костер пахучие вещества, такие как можжевельник, теребентин и тому подобные, издающие сильный ароматический дым, посредством чего чума прекратилась»⁵⁴.

Тревожная обстановка вынудила переносить сроки проведения традиционных ярмарок. Ярмарка в Сен-Дени была перенесена с 9 октября на 7 января 1581 г.⁵⁵, причем неизвестно, состоялась ли она и в этот срок. Судьба другой ярмарки, Сен-Жерменской, была еще менее удачной. Обычно она открывалась 3 февраля, но уже в конце декабря в связи с возобновлением болезни в некоторых районах города муниципалитет просит о переносе сроков ярмарки. Ее перенесли на день Квазимодо (в 1581 г. это было 15 апреля), но парламентское постановление от 30 марта окончательно отменило ярмарку в текущем году⁵⁶.

Угроза чумы оставалась актуальной. В 1581 г. городские власти послали официальный запрос на факультет медицины. Оттуда последовал ответ декана, уже известного нам Гийома де Байю⁵⁷. Тем удивительнее, что у Пьера де Летуаля мы не найдем никаких сведений об эпидемии после лета 1580 г. Он словно специально стремится поскорей забыть о чуме. И только 29 июня 1581 г., рассказывая о прибытии послов, вернувшихся из Англии, где они вели переговоры о женитьбе герцога Анжуйского, Летуаль вскользь упоминает, что король принял их в аббатстве Сен-Мор, куда он удалился по причине чумы, которая все еще продолжалась в Париже⁵⁸. Интересен его рассказ и о небесном явлении: «26 августа с 9 часов вечера в небе над Парижем, где все еще продолжалась чума, появилось большое пламя, распространившееся с востока на

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Паре А. Трактат о чуме. С. 160.

⁵⁵ Цит. по: Registres des délibérations. Т. 8. Р. 229, note 1.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Baillon G., de. Les moyens et avis pour prévenir & remédier à la maladie dangereuse, requis par Messieurs de la police à Messieurs de la Faculté de médecine, & à eux présentez par le doyen d'icelle le deuxiesme mars. P., 1581.

⁵⁸ L'Estoile P., de. Mémoires-journaux. Т. 2. Р. 11.

запад, которое давало свет еще два часа»⁵⁹. Трудно предположить, что Пьер де Летуаль сам решил связать небесный феномен с эпидемией, терзавшей Париж. Оговорка, скорее всего, была навеяна разговорами парижан.

В целом же и Летуаль, и королевские, парламентские и муниципальные постановления оставляют без ответа целый ряд вопросов о парижской эпидемии: как все-таки лечили больных, что случилось с «чумными батюшками», мобилизованными на службу в Отель-Дьё, кто кроме Симона Мальмеди взял на себя заботу о зачумленных? Лишь Клод Атон вспоминает об их судьбе:

«Многие цирюльники и хирурги, которые либо по собственной воле, либо по принуждению правосудия были назначены лечить больных, умерли. Значительная часть из них была в статусе подмастерья. Чтобы попытаться достигнуть метризы в своем деле в Париже, они осмелились презреть опасность, помогая мэтрам, каковые пообещали им обеспечить получение ими метризы хирургов и цирюльников, коли они выживут»⁶⁰.

Если бóльшую и самую ценную часть информации об эпидемии в Париже нам представляет не парижанин, а житель Провена, то можно предположить, что о событиях в Провене мы можем быть осведомлены не в пример лучше, чем о том, что творилось в Париже, хотя у нас не сохранилось никаких официальных документов, относящихся к эпидемии в этом городе. С переводом на русский язык тех фрагментов «Мемуаров» Клода Атона, в которых говорится о чуме, можно познакомиться в приложении к журналу «Средние века»⁶¹, поэтому здесь я постараюсь ограничиться лишь кратким пересказом этих свидетельств.

II. ПРОВЕН, 1580 г.

1. Осознать, что болезнь началась

Чума, уже давно бушевавшая в Париже, достигла Провена в июле. В дом зажиточного шляпника Жигора, проживавшего в Провене, в Нижнем городе, близ коллегиальной церкви Сент-Айюль, где служил сам Клод Атон, приехала парижская тетушка. Муж от-

⁵⁹ Ibid. P. 19.

⁶⁰ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. P. 307.

⁶¹ Эпидемия в Париже и в Провене во времена Генриха III / Вступ. ст., пер. с франц. и комментарии П.Ю. Уварова // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XV вв.: Сб. документов / Отв. ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. М., 2020. С. 133–162. (Приложение к журналу «Средние века»; вып. 11).

правил ее из зараженного Парижа «дышать чистым воздухом». По этому поводу 13 или 14 июля Жигор устроил праздник, собрав с дюжину гостей из числа соседей и друзей. Но парижанка вскоре заболела и скончалась 18 июля.

Устроить достойные похороны Жигору помешали городские власти. Опасаясь слухов о чуме, они не разрешили, чтобы на похоронах звонили колокола церкви Сент-Айюль, а само погребение велели провести ночью. Муниципалитет срочно прислал двух хирургов-цирюльников Николая Дури и Жана Лелонга для освидетельствования тела. Они произвели осмотр покойной и признаков чумы не обнаружили, о чем составили заключение. По словам Атона, в качестве вознаграждения и в возмещение расходов на таверну Жигор выплатил хирургам сумму от 20 до 24 тестонов⁶². Но выйдя от Жигора, те сказали, что причины этой смерти неизвестны и что лучше бы остеречься посещать его дом. Власти на всякий случай велели Жигору закрыть свою лавку и не выходить на улицу. Но он, ссылаясь на медицинское заключение, держал свой дом и свою лавку открытыми для посещений. И даже когда через пять дней умер его восьмилетний сын, он не подумал о чуме, поскольку мальчик уже полгода, как был тяжело болен. Но когда вечером после похорон заболели еще два его сына, то Жигор, наконец, понял, что имеет дело с заразной болезнью. В тот же день он, захватив старшего сына, того самого, кто привез в Провен парижанку, покинул город. Вскоре заболевшие мальчики умерли⁶³.

Тогда же, если не раньше, болезнь объявилась и в доме Жака Приве, проживавшего близ Бурдского брода. Сначала умерли его жена и ее служанка, а затем заболели теща, тесть и еще три их родственницы. Эта череда заболеваний тянулась шесть недель. И хотя и в этом случае, как и в доме Жигора, до начала августа ни у кого из умерших на теле не находили бубоны, властям стало ясно, что началось моровое поветрие.

2. Изолировать больных и наладить уход

После смерти двух мальчиков «жене Жигора и всем домочадцам решением суда было запрещено выходить из дома без белого прута в руках, чтобы их распознавали другие люди и не давали бы смешиваться с толпой»⁶⁴. В доме кроме слуг осталась хозяйка на

⁶² От 14,5 до 17,5 ливров.

⁶³ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 308–309.

⁶⁴ *Ibid.* Р. 310.

сносях, младенец и дочка пяти лет от роду. К дому теперь никто не осмеливался подходить и, чтобы спасти хотя бы 20-месячного сына, мать обрила его наголо, затем вымыла его в горячей воде и обтерла уксуом. После чего голым привязала к доске и вынесла на середину опустевшей улицы, чтобы его забрали соседи. Некая женщина взяла его к себе, «одела его в одежды, которые дали ей другие соседи, и кормила его вместе с собой, спасая от грозившей смертельной опасности, и с ним не случилось ничего плохого»⁶⁵. Судьба тех, кто остался в доме, была печальнее. 7 августа у служанки появились признаки чумы в паху близ живота, а 9 августа те же симптомы появились и у хозяйки, которая уже не скрывала ни своей болезни, ни болезни служанки.

Городские власти решали, куда бы поместить больных и наладить уход. В городе некогда имелся дом, предназначенный для заразных больных, но он пришел в полное запустение, к тому же он располагался прямо у городской стены. Время было военное, а ремонтные работы и появление там чумных больных помешали бы патрулированию ночной стражи и охране близлежащих ворот. В конце концов, решили занять уединенный дом в местечке Гарла, примерно в полутора километрах от города. 11 августа туда переселили заболевших из дома Жигора.

Уже на следующий день, после того как больные прибыли в Гарла, городские власти нашли женщину, которая за ежемесячную плату взялась заботиться о пациентах. Ее звали Марион Полеве по прозвищу Бикетьер; Атон называет ее «доброй кумушкой»⁶⁶. Сложнее оказалось организовать визиты врачей. По вопросу о том, кому идти в Гарла, хирурги-цирюльники затеяли тяжбу друг с другом и с городскими властями. «И в течение этой тяжбы бедные больные женщины страдали, не получая помощи»⁶⁷. Но к этому времени Жигор, пристроивший старшего сына к своей матери, возвращаясь в Провен, узнал о положении семьи. Он приехал в соседний городок Вильнокс-ла-Гранд⁶⁸ и нашел там совсем еще молодого подмастерье цирюльника по имени Тибо, который за 6 экю⁶⁹ согласился отправиться в Гарла и врачевать домочадцев Жигора.

⁶⁵ Ibid. P. 313–314.

⁶⁶ Ibid. P. 312.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Небольшой город в 10 км к востоку от Провена.

⁶⁹ То есть примерно столько же, сколько он заплатил хирургам за осмотр тетушки-парижанки.

3. Безопасность или долг?

Чума в Провене в отличие от Парижа не приняла столь массового характера, чтобы вызвать повальное бегство из города. Собственно, ради «чистого воздуха» город и собственный дом покинул лишь Жигор, спасая себя и старшего сына, которого считал наиболее уязвимым для болезни. Они отправились в паломничество в монастырь Сен-Пьер-д'Уа, к мощам Святого Гона⁷⁰, а потом Жигор доставил сына в дом своей матери, живущей неподалеку. Когда выяснилось, что, несмотря на усилия мэтра Тибо, оплаченные несчастным отцом семейства, спасти жену не удалось, он вывез оттуда пятилетнюю дочку и тоже передал матери. Однако девочка тоже не выжила. Вряд ли действия Жигора можно назвать «бегством».

Но «дезертиры» в Провене нашлись. По запросу властей общество или корпорация местных хирургов-цирюльников путем жеребьевки выбрала двух своих членов в качестве «чумных докторов». Однако избранные мэтры Гийемен и Табю отказались идти к больным и заявили, что первыми положенные шесть недель должны отслужить те, кто, обследовав парижанку⁷¹, получили плату за свое заключение, оказавшееся ложным. Пока шло разбирательство, Табю отправился в тюрьму, а Гийемен пустился в бег. Тогда корпорация хирургов-цирюльников Провена обратилось к молодому мэтру Тибо, нанятому Жигором. За то, что он останется в Гарла и будет лечить поступающих туда больных, ему полагалось жалованье и обещание в дальнейшем быть принятым в ряды мэтров цирюльников и хирургов Провена без экзаменов и вступительной платы.

Мэтр Тибо честно выполнял свои обязательства. В Гарла он успел принять роды у жены Жигора и даже крестить новорожденного до того, как он умер. Роженица тоже вскоре скончалась – чума взяла свое. Но служанку вылечить удалось. Мэтр Тибо неоднократно посещал новых заболевших в Верхнем городе («Замке») и тянул свою лямку до конца сентября. Но вступить в корпорацию хирургов Провена ему так и не довелось. Он скончался от чумы 29 сентября. По словам Атона, «его считали похотливым, и ходил слух о том, что это и стало причиной его смерти, поскольку он раз-

⁷⁰ Святой Гон (или Годон) жил в VII в. Его мощи хранились в монастыре Сен-Пьер-д'Уа в долине Марны в Шампани, примерно в 55 км к северо-востоку от Провена.

⁷¹ То есть Николая Дури и Жан Лелонг.

вратничал с указанной Бикетьер или с кем-то другим»⁷², но автор с осторожностью относится к этим слухам.

Марион Полеве по прозвищу Бикетьер вызывает у Атона сочувствие. Ей не с кем было оставить собственных детей, и она взяла с собой в Гарла сына 10 лет и дочку лет 5 или 6. Сын заразился и умер, но дочь, как и мать, оказалась невосприимчивой к болезни. «Добрая кумушка» прижилась в импровизированном чумном бараке надолго.

Сострадание и мужество проявила женщина, спасшая младшего сына Жигора. Сам Атон, вообще-то не склонный к самовосхвалению, рассказал, как в конце июля, когда в отсутствие Жигора умерли подряд два его сына, его жене было предписано хоронить детей ночью и без отпевания.

«Но этого сделано не было, поскольку мэтр Клод Атон по слезной просьбе несчастной отчаявшейся женщины пришел к ним между шестью и семью вечера, когда еще было светло и солнце не село, и примерно триста человек смотрели на улице, как все происходит. И он придал их земле на кладбище церкви Сент-Айюль, следуя не очень далеко за телами мертвых детей и тех, кто их нес»⁷³.

Нес же их молодой парень лет двадцати – слуга Жигоров родом из Лиона. Он поразил Атона своей верностью,

«ибо в страшной опасности он не захотел оставить свою хозяйку, о которой он заботился столь хорошо и с такой нежностью, как если бы она была его матерью. Ухаживая за ней, он был поражен чумой и умер на пять или шесть дней позже своей хозяйки»⁷⁴.

4. Закончить эпидемию. Подсчитать потери

Атон знал слово «эпидемия», но применительно к Провену, тем более к Провену 1580 г., его не использовал. В целом чума стала бедой лишь для нескольких семейств, даже не вызвав панику в городе. И если бы Жигоры не были бы соседями и прихожанами Атона, то картина чумы в Провене, скорее всего, была бы не такой драматичной в его «Мемуарах». Вспомним, как бурно в середине августа веселился Провен по поводу стрелковых соревнований.

Для болезни была характерна высокая летальность, но ее возбудитель был не слишком силен. Заражались лишь те, кто по-

⁷² *Haton Cl. Mémoires. T. 4. P. 313.*

⁷³ *Ibid. P. 310.*

⁷⁴ *Ibid. P. 310, 312.*

стоянно и тесно общался с больными. Атон не указывает общее число заболевших (я насчитал 19 случаев), но их было не более нескольких десятков человек. Своеобразный итог автор «Мемуаров» подводит, возвращаясь к случаю Жигора. Из шести его детей выжили лишь двое сыновей – самый старший и самый младший. Жигор надеялся вернуться в свой опустевший дом через шесть недель после смерти жены, но этому воспротивились соседи (чума продолжалась до конца сентября). Лишь в декабре он договорился все с той же Бикетьер (у которой, вероятно, не осталось пациентов), что она за семь экю полностью очистит и выветрит дом⁷⁵. Домой Жигор вернулся только в конце декабря.

Клод Атон кратко характеризует и положение дел в соседних городах. В Ножан заразу занесли проезжие из Парижа, очагом заболевания стала пригородная гостиница, в которой один за другим умерли постояльцы, лечивший их цирюльник и сам хозяин. Вильнокс-ла-Гранд пострадал из-за того, что один житель, похоронив путника, умершего на дороге, позарился на его пожитки, включая кошелек, который «стоил жизни этому алчному человеку и всему дому, в котором он проживал»⁷⁶. В городах Монмирай-ан-Бри и Ла-Ферте-Гоше болезнь опустошила не более трех домов, а в Мёлене больных было много.

III. ПРОВЕН, 1582–1583 гг.

Клод Атон, как мы помним, предваряет описания событий в Провене в эти годы рассказом о странной болезни, вызывавшей временное помутнение рассудка, но редко приводившей к смерти.

1. «Нулевой пациент». Начало эпидемии

Чума подобралась к Провену на сей раз не со стороны Парижа, а с юга, из небольших поселений, расположенных вдоль водных артерий Сены и Йоны. В начале апреля болезнь вспыхнула в деревне Шез-ле-Шалотр-Ла-Гранд⁷⁷ близ Ножана, к 8 апреля она перекинулась в деревню Сетвей в приходе Сент-Коломб⁷⁸. В Провене и в других городах была выставлена стража, чтобы пресечь контакты с жителями зачумленной местности. Но болезнь все-таки проникла в

⁷⁵ Ibid. P. 314.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ныне Шалотр-ла-Гранд (Chalautre-la-Grande) – коммуна в 13 км к юго-востоку от Провена и в 8 км от г. Ножан-сюр-Сен (Nogent-sur-Seine).

⁷⁸ Сент-Коломб (Sainte-Colombe) – коммуна в 5 км к юго-западу от Провена. Деревня Сетвей (Septveilles) включена в состав этой коммуны.

Провен «вследствие алчности некоторых его жителей»⁷⁹. Булочник Пьер Фаруэ, проживавший вблизи церкви Сент-Айюль, тайно выезжал в приход Шалостр-Ла-Гранд. Он был не простым торговцем, но еще и поставщиком облаток для причастия, каковые он и повез в зачумленное село незадолго перед местным престольным праздником – днем Святого Георгия (23 апреля). Заодно булочник побывал в доме, обитатели которого умерли от чумы, но остались должны ему деньги. В погашение долга он нагрузил их пожитками свой сундук и увез его в Провен. Но этот факт раскрылся намного позже, а когда он через неделю после возвращения заболел, то он и его жена это скрыли. Он продолжал посещать церковь и много пил из общественного фонтана, мучаясь сильной жаждой. Фаруэ и его жена утверждали, что причина недомогания в том, что он надорвался, пытаясь передвинуть трехсотлитровую бочку вина в своем подвале. За два дня до смерти он стал заговариваться, но, по словам Атона, «по-прежнему выходил из дома и все думали, что он заболел чем-то наподобие той болезни, от которой, как мы прежде говорили, трогались рассудком, но выздоравливали»⁸⁰. Фаруэ умер девятого мая и был похоронен на кладбище Сент-Айюль при большом стечении родственников, соседей, других булочников, а также священников и монахов Нижнего города. Наследники булочника Фаруэ устроили пышные поминки в его доме, где от еды и выпивки мало кто отказывался⁸¹. Но когда через две недели (24 мая) умерла вдова булочника и на ее теле были обнаружены признаки болезни, все уже знали о чуме.

Дело в том, что где-то перед 20 мая в Верхнем городе заболел молодой советник президиального суда Провена мэтр Баранжон. Клод Атон считал, что советника заразил его арендатор – виноградарь из зачумленной местности Шалостр-ла-Гранд, который приезжал, чтобы отдать советнику плату. Врачи – медик мэтр Жан Сольсуа и хирург Николя Дури – навестили больного, однако не сразу, а лишь после того, как им заплатили по 20 экю каждому. Это были местные «светила»: медик (терапевт) стоял во врачебной иерархии значительно выше хирурга, а Николя Дури, один из тех, кто два года назад осматривал тело покойной тетушки-парижанки, был старейшиной цеха хирургов-цирюльников⁸². Баранжон

⁷⁹ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 480.

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ Два священника, Атон и Пеле, отслужили в церкви и на кладбище, но на поминки не пошли, памятуя о характере покойного и его алчности.

⁸² «Lieutenant des barbiers et cyrurgiens de Prouvins» – *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 484.

умер 22 мая, и перед смертью симптомы были очевидны: сильный жар и появление чумных абсцессов. И вот тогда в городе началась паника.

Если смерть Фаруэ, к тому же не сразу осознанная как начало чумы, впечатлила лишь жителей одного из приходов Нижнего города, населенного торговцами, ремесленникам, низшим и средним духовенством, то кончина мэтра Баранжона стала событием иного масштаба. В Верхнем городе обитали «сливки» местного общества – судейские, чиновники, представители королевской власти. Баранжоны были богатым чиновным родом, поэтому неожиданно в группе риска оказались многие влиятельные люди, навещавшие советника в первые дни его болезни.

Итак, к концу мая в Провене возникли два явных очага заражения. Агон лучше был информирован о событиях Нижнего города, где заболели соседи и друзья Фаруэ, в том числе и особы духовного звания, например, кантор приората Сент-Айюль.

2. Изолировать и лечить

Уже знакомая нам «добрая кумушка» Бикетьер ожидала в Гарла, что муниципальные власти снова призовут ее ухаживать за больными. Пока приглашения не последовало, к ней начали обращаться родственники заболевших, желая их изолировать и вместе с тем обеспечить уход. Уже в конце мая на ее попечение передали молодую вдову советника Баранжона.

К этому времени власти города «стали запасаться необходимыми вещами для ухода за больными, как уже заболевшими, так и теми, чья болезнь воспоследует». Они заключили контракт на 60 экю в месяц с Николя Дури, чтобы тот оказывал помощь заболевшим. Но, получив деньги, хирург отказался посещать больных до тех пор, пока ему не дадут в помощь еще одного коллегу. Пришлось заключать второй контракт, с мэтром Табю, которого еще в 1580 г. привлекали к суду за отказ быть «чумным доктором». На сей раз – опять-таки по суду – его удалось принудить к выполнению этих функций. Хирурги должны были служить городу не больше трех месяцев и получить за это по 120 экю каждый. Но и после этого Дури не спешил идти к больным.

Во время торга Дури с городскими властями некий монах из приората Сент-Айюль, обнаружив у себя признаки болезни и прослышав о том, что Дури нанят городом для лечения больных, явился к нему домой накануне Пятидесятницы (1 июня). Он про-

сил хирурга оказать ему уход и обеспечить лечение в том месте, куда тот велит ему направиться. Но Дури отказался его принимать. Монаху ничего не оставалось, как уединиться в садовой сторожке своего приората, где он и скончался через три дня.

И все-таки хирургу пришлось приступить к лечению больных. «Все же, получив деньги от города за два месяца вперед, он отправился со своим компаньоном в те места, где уже было несколько больных, ожидавших милосердия Божия»⁸³. В другом месте Атон уточняет, что в этом месте за больными ухаживали две дамы, однако не уточняет, где именно это происходило. Ясно лишь, что на сей раз городские власти не стали свозить больных в Гарла – в небольшом доме им не хватило бы места, да и саму Бикетьер городские власти по каким-то причинам не стали нанимать на службу. В Гарла она устроила нечто вроде частной клиники или «хосписа».

Моровое поветрие, которое в конце июля, казалось, пошло на убыль, вскоре вспыхнуло вновь «из-за корыстолюбия некоторых жителей, каковые в силу своей алчности воспользовавшись хорошими ценами, торговали с жителями деревень, где была распространена эта болезнь»⁸⁴. Хирурги-цирюльники имели все основания не спешить в «чумную команду»: из тех, кто в том году исполняли обязанности «чумных докторов», трое погибли на своем посту, один заболел, но чудом выжил, и лишь двум удалось остаться живыми и невредимыми (из этих двух нанятый иногородний хирург из Мо практически «разминулся» с эпидемией).

Муниципалитету чаще, чем они рассчитывали, приходилось выделять средства для привлечения новых «чумных докторов», не говоря уже о необходимых материалах для ухода и содержания больных. Перед городскими властями встала необходимость формирования «чумного бюджета». Эшевены с согласия короля разверстали талью на всех жителей города без исключения. Удивительно, но Клод Атон, всегда возмущавшийся любыми поборами, на сей раз отнесся к ним с пониманием. Горожане и даже представители духовенства⁸⁵ согласились с тем, что раскладку платежей сообразно имуществу проведут те же люди, что обычно собира-

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. P. 485.

⁸⁵ Первое сословие во Франции пользовалось правом самообложения и ревниво его охраняло. Тем удивительнее, что в данном случае духовенство Провена с легкостью уступило требованиям городских властей.

ли королевскую талью. Даже те, кто хотели опротестовать размер своей квоты, «увидев, что эти деньги идут на благотворительные и благочестивые нужды, согласились платить»⁸⁶.

3. Бежать или исполнять свой долг?

На сей раз беглецы из города не заставили себя ждать. Шурин советника Баранжона – адвокат – и его жена сразу же уехали в деревню, но через десять дней жена там умерла. «Многие богатые люди, навещавшие советника Баранжона, теперь покинули дома в Провене и отправились на свои фермы в деревнях, чтобы дышать там воздухом, который они считали чистым»⁸⁷.

Стоило ли рисковать жизнью, ради исполнения долга? Когда началась чума в местечке Сетвей прихода Сент-Коломб, местный кюре мэтр Бризебар, оставил своим викарием священника того же прихода Жерома Сажо, а сам укрылся в Париже, где у него была пребенда в церкви Сент-Оппортюн. Не желая возвращаться в свой приход, он договорился с каноником церкви Сен-Кириак об обмене прихода на небольшую часовню в Провене. Узнав об этом, Жером Сажо хотел уступить место новому кюре, но тот, опасаясь чумы, отрицал, что получил права на этот приход⁸⁸.

Наибольшее негодование Атона вызвал Николя Дури. Он еще в 1580 г., получив за обследование деньги, не распознал, от чего умерла приехавшая в Провен парижанка, что стало причиной многих смертей. Он не пришел вовремя к Баранжону и не вылечил его, но взял за консультацию немалые деньги, а затем долго торговался с муниципалитетом, не торопясь помогать заболевшим. Ко всему прочему Николя Дури был гугенотом, что дает повод автору иронизировать над «милосердием» кальвиниста, который нещадно обирает своих друзей и единоверцев, ведь клан Баранжонов, как и многие в Верхнем городе, ранее тоже были гугенотами и, по мнению Атона, приняли католицизм лишь для виду. Но Дури оставался последним в городе открытым гугенотом. Отказав в помощи больному монаху, он сказал: «Идите, месье, идите петь вашу мессу и запаситесь соломой и сеном, коли у вас этого пока недостаточно, для питания и ухода за вашими жеребчиками (*poullains*)»⁸⁹. Он не скрывал, что желал бы такой же судьбы для всех монахов,

⁸⁶ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 486–487.

⁸⁷ *Ibid.* Р. 482–483.

⁸⁸ *Ibid.* Р. 488.

⁸⁹ По-видимому, так называли чумные бубоны.

священников и вообще для всех католиков Провена. Через 10 дней Дури умер в страшных мучениях, сам покрытый «жеребчиками». В Провене сочли, что его смерть «стала карой Господней, особенно если учесть, что опыт, которым он обладал, был достаточен для того, чтобы уберечься от заразной болезни»⁹⁰.

Болезнь пошла на спад, поэтому мэтр Табю по истечении трехмесячной службы получил расчет в августе. Однако болезнь вспыхнула вновь, и на следующие два месяца наняли другую пару хирургов-цирюльников – местного Жан Николя и приезжего Пьера из Нанжи. Клод Атон писал про Жана Николя, что «он был скорее высокомерен, чем опытен и столь же жаден, сколь и честолюбив»⁹¹. Он не желал помогать больному, если тот не платил ему денег. Городские власти, которые уже выплатили ему немалое жалованье, обвинили хирурга в вымогательстве и возбудили судебное преследование, от которого Жана Николя вскоре освободила смерть.

Для Пьера из Нанжи надо было срочно найти компаньона. Корпорация хирургов-цирюльников указала на Жана Лелонга, который в свое время вместе с Николя Дури осматривал заболевшую парижанку. Намереваясь любой ценой уклониться от жребия, Лелонг съездил в Париж и привез оттуда себе на замену начинающего хирурга мэтра Жака, которому было не более 25 лет. У него было мало опыта, но почти сразу ему пришлось взять на себя все заботы о больных, поскольку его напарник, Пьер из Нанжи, вскоре умер.

Молодой хирург быстро завоевал всеобщую симпатию своей учтивостью и своим искусством:

«По велению сердца он дважды в день посещал и лечил больных на дому и довольствовался лишь благодарностью тех, о ком заботился. И почти месяц он работал один, без компаньона... и не просил никого в помощь, пока сам не заболел. Но, по милости Господней и по молитвам горожан, быстро вылечился, и к нему вернулось здорovie»⁹².

Нанятый ему в помощь цирюльник-хирург из Мо, не имел возможности проявить свои качества, поскольку болезнь в Провене завершилась так же внезапно, как и началась.

⁹⁰ *Haton Cl. Mémoires*. Т. 4. Р. 485.

⁹¹ *Ibid.*

⁹² *Ibid.* Р. 486.

Верна долгу осталась и Бикетьер. Из-за плохого с ней обращения городских властей, от которых она не добилась оплаты, она осталась в Гарла, куда к ней доставляли некоторых больных из Провена, но главными ее пациентами были несчастные жители зачумленных деревень, которые были совсем лишены помощи цирюльников и хирургов. Имея большой опыт работы с хирургами, она сама бралась врачевать больных, «изготавливала для них мази и накладывала на язвы, которые прокалывала ланцетами, иглами и прочими металлическими инструментами». Некоторых удавалось вылечить, ей же самой болезнь не причинила вреда. Клод Атон, в отличие от городских властей, явно симпатизирует «доброй кумушке»:

«Она была бедна земным имуществом и якобы имела пятно на своей чести, но это не помешало ей найти счастье в браке и выйти замуж за сукновала Шастеро, за которым она ухаживала во время этой болезни, и потом завести с ним хорошее хозяйство»⁹³.

Не меньшее уважение у автора «Мемуаров» вызывает викарий из зачумленной деревни Сетвей, покинутой старым и новым кюре:

«Жером Сажо продолжал службы в этом приходе, и он, набравшись смелости и надежды на Бога, сам не заболел, исповедуя всех, кто были заражены, – как тех, кто позже умерли, так и тех, кто выжили. За это его повсюду расхваливали»⁹⁴.

4. Подсчитать потери, подвести итоги

Болезнь 1582 г., пошедшая на спад в ноябре, но завершившаяся лишь в феврале следующего года, была несравненно тяжелее эпидемии 1580 г. Тогда умирали в основном люди, проживавшие под одной крышей. Теперь вирулентность бактерий была выше. По оценке Клода Атона, в Провене умерло 210 человек⁹⁵. Эта цифра не выглядит завышенной – я не уверен, что Атон включал в свои подсчеты малолетних детей или тех, кто скончался, покинув Провен. Если исходить из того, что население этого города не превышало 10 тыс. чел., то потери составят до трех процентов от общей численности жителей. Много это или мало? В Москве на начало августа 2021 г. от Covid-19 скончалось чуть более 25 тысяч

⁹³ Ibid. P. 487–488.

⁹⁴ Ibid. P. 488. Известно, что в следующем году храбрый викарий отправился в паломничество в Иерусалим. Возможно, он исполнял обет, данный во время страшной эпидемии.

⁹⁵ Ibid. P. 485.

человек. Если взять официальное данные Росстата о населении Москвы – 12 655 000 человек, то смертность составит примерно 0,2%, то есть в 12 раз меньше, чем в Провене. Конечно, общее число заболевших в Москве около полутора миллионов (то есть более 10% населения), но ведь и в Провене от чумы умирали далеко не все заболевшие, как следует из повествования того же Клода Атона.

Случившееся в самом городе было тяжелым испытанием, но не катастрофой, в отличие, например, от ситуации в приходе Сент-Коломб-ле-Провен, где вымерло 4/5 населения. Только здесь Атон впервые употребляет слово «эпидемия»:

«Как в Верхнем, так и в Нижнем Сетвейе, начиная с апреля вплоть до праздника святого Андрея (30 ноября) умерло сто шестьдесят человек старых и малых, и лишь сорок пять человек в Сетвейе не погибли. Из заразившихся во время эпидемии выжить там удалось по большей части женщинам, а не мужчинам»⁹⁶.

Сопоставимы были и потери в Шалостр-ла-Гранд близ Ножана, где умерла почти половина проживавших там людей.

Если же говорить об итогах иного рода, то, похоже, простой священник Клод Атон, не сразу разобравшийся в ситуации, выстроил теперь свою «этиологию». Если в 1580 г. он видел в происходящем «кару Господню», обрушенную за грехи на всех людей, то теперь у него ненавязчиво, но вполне определенно проступает этическое объяснение. Жертвами болезни зачастую становятся те, кто это заслужил: алчный булочник Фаруз, жадный гугенот Дури и его скрытые единомышленники из Верхнего города – советник Баранжон и те его друзья, кто пытался бежать из Провена, хирург-вымогатель Жан Николая. Те же, кто, уповая на Бога, честно помогают ближним, могут рассчитывать на спасение от болезни – молодой хирург из Парижа, отважный викарий из зачумленной деревни, сердобольная соседка Жигора, с риском для жизни спасшая младенца, добрая кумушка Бикетьер, да, пожалуй, и сам Клод Атон.

Этот вывод выглядит актуальным и сегодня.

Как и многое другое, что мы увидели в мире, отдаленном от нас почти на четыре с половиной столетия.

⁹⁶ Ibid. P. 489.

REFERENCES

- Babelon J.P.* Paris au XVIe siècle. Paris, 1986. (Nouvelle histoire de Paris).
- Baillou G., de.* Les deux livres des épidémies et éphémérides / Introduction et notes de J. Coste; texte établi et traduit par H. Maggiori, J. Coste. Paris, 2021.
- Baillou G., de.* Les moyens et advis pour prévenir & remédier à la maladie dangereuse, requis par Messieurs de la police à Messieurs de la Faculté de médecine, & à eux présentez par le doyen d'icelle le deuxiesme mars. Paris, 1581.
- Crevier J.L.B.* Histoire de l'Université de Paris. Paris, 1761. T. 5.
- Du Boulay C.E.* Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1673. T. VI: 1500–1600.
- Haton Cl.* Mémoires 1553–1582/ édition intégrale sous la dir. de L. Bourquin. Paris, 2001–2007. 4 t.
- La Fosse J., de.* Journal d'un curé ligueur de Paris sous les trois derniers Valois / éd. par E. de Barthélemy. Paris, 1865.
- La Fosse J., de.* Les «mémoires» d'un curé de Paris (1557–1590) au temps des guerres de religion / éd. par M. Venard. Genève, 2004.
- Le Roy Ladurie E.* Histoire humaine et comparée du climat. Paris, 2004. Vol. 1: Canicules et glaciers (XIIIe–XVIIIe siècles).
- L'Estoile P., de.* Mémoires-journaux (1574–1611) / édition pour la première fois complète et entièrement conforme aux manuscrits originaux par G. Brunet, A. Champollion, E. Halphen. Paris, 1875–1896. 12 vol.
- L'Estoile P., de.* Les Belles figures et drolleries de la Ligue / édition établie par G. Schrenck. Genève, 2016.
- Paré A.* Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle: avec une brefve description de la lepre. Paris, 1568.
- Paré A.* Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle: avec une brefve description de la lepre... aux Messieurs les Prevost des Marchans & Eschevins de ceste ville de Paris. Paris, 1580.
- Registres des délibérations du bureau de la ville de Paris. Paris, 1896. T. 8: 1576–1586.
- Versoris N.* Livre de raison / éd. par G. Fagniez. Paris, 1885. (Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de France; T. 12).
- Крузе Д.* След другой истории. Бог и избивающие младенцы / [пер. Л.А. Пименовой] // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. Санкт-Петербург, 2006. С. 163–190 [Crouzet D. Sled drugoi istorii. Bog i izbivaiushchie mladentsy / [per. L.A. Pimenovoi] // Istoriia i antropologiya:

mezhdistsiplinarnye issledovaniia na rubezhe XX–XXI vekov. Sankt-Peterburg, 2006. S. 163–190].

Паре А. Трактат о чуме / пер. и комм. Е.Е. Бергер // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XV вв.: Сборник документов / отв. ред.: Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. Москва, 2020. С. 133–162 (Приложение к журналу «Средние века»; Вып. 11) [Paré A. Traktat o chume / per. i komm. E.E. Berger // Kazn' Gospodnia. Epidemii v Evrope XIV–XV vekov: Sbornik dokumentov / отв. red.: E.E. Berger, P.Yu. Uvarov. Moskva, 2020. S. 133–162 (Prilozhenie k zhurnalu «Srednie veka»; Вып. 11)].

Уваров П.Ю. Клод Атон – бытописатель французской смуты: Загадка «простого человека» // Французское общество в эпоху культурного перелома: От Франциска I до Людовика XIV / отв. ред.: Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. Москва, 2008. С. 91–103. (Приложение к журналу «Средние века»; Вып. 3) [Uvarov P.Yu. Klod Aton – bytopisatel' frantsuzskoi smuty: Zagadka «prostogo cheloveka» // Frantsuzskoe obshchestvo v epokhu kul'turnogo pereloma: Ot Frantsiska I do Liudovika XIV / отв. red.: E.E. Berger, P.Yu. Uvarov. Moskva, 2008. S. 91–103. (Prilozhenie k zhurnalu «Srednie veka»; Вып. 3)].

Эпидемия в Париже и в Провене во времена Генриха III / Вступ. ст., пер. с франц. и комментарии П.Ю. Уварова // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XV вв.: Сб. документов / отв. ред.: Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. Москва, 2020. С. 133–162. (Приложение к журналу «Средние века»; Вып. 11) [Epidemiia v Parizhe i v Provene vo vremena Henri III / vstup. st., per. s frants. i kommentarii: P.Yu. Uvarov // Kazn' Gospodnia. Epidemii v Evrope XIV–XV vv.: Sbornik dokumentov / отв. red.: E.E. Berger, P.Yu. Uvarov. Moskva, 2020. S. 133–162. (Prilozhenie k zhurnalu «Srednie veka»; Вып. 11)].

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН,
заведующий Отделом
западноевропейского
Средневековья и
раннего Нового времени,
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: oupav@mail.ru

Uvarov, Pavel

Dr. Hab. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Head
of Department of Western Middle Ages and
Early Modern Times, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
e-mail: oupav@mail.ru
Researcher ID E-2807-2017
ORCID: 0000-0003-0808-2277
Scopus ID: 56297330900